

Художественное исследование старости на рубеже XIX–XX веков

Баханович Наталья Леонидовна

Аспирантка Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы
НАН Белоруссии, Минск, Белоруссия

Пожилые люди существовали и будут существовать всегда, но в определенные периоды их присутствие в обществе ощущается особенно сильно. В польской и белорусской прозе «малого жанра» рубежа XIX–XX в. можно выделить ряд произведений, зафиксировавших художественное исследование старости. Обратимся к рассказам «Бабуся» (1895) Э. Ожешко и «Осенние листья» (1910–1912) Тетки (Э. Пашкевич) в целях выявления смысловых пластов воплощенного в них образа старости.

Традиционно смерть изображается «в виде старухи или скелета с косой, однако именно последняя задает возможность выхода из одностороннего понимания смерти как конца жизни: скошенная трава вновь разрастается...» [Словарь: 183]. Это позволяет позиционировать старость человека как преддверие перехода из одной формы существования в другую.

Анализ мыслей, чувств, переживаний находящейся у порога смерти женщины положен в основу рассказа «Бабуся» Э. Ожешко. Возраст главной героини представляется как переходное состояние: она равно принадлежит земному и небесному мирам. Безосновательная напряженность в отношениях бабушки с близкими (холодность сына, чрезмерная забота невестки) противостоит гармоничному общению с являющимися к ней умершими. Подобная неопределенность положения вызывает у героини ощущение духовного дискомфорта: «Тело сыто, душа голодна; но бабуся рассудительна и чувство глубокого одиночества прячет от людей, как преступление» [Orzeszkowa: 161].

Согласно автору (об этом свидетельствует и рассказ «Звенья»), в конце жизни лучшим другом человека являются старинные часы. Сын Зыгмунд находит их на чердаке и приносит матери, ныне бабушке, как свидетелей ее истории. Человек и вещь отождествляются польской писательницей как наполненные воспоминаниями сосуды памяти: «Два старых силуэта, женщины и часов, один снизу, другой сверху смотрели друг на друга без шороха и движения, в свете маленькой лампы у кровати, покрытой скудной постелью, с распятием на стене» [Там же: 170]. Семейные часы с курантами, воплощая движение времени, становятся символическим стержнем рассказа.

Часы подарили старой подруге волну воспоминаний и встречу с умершим мужем Ясем, приоткрывшим ей завесу тайны бытия. Считается, что «стоящие на пороге смерти общаются со сверхъестественными духами иного мира, которые приобщают их к знанию будущего» [Словарь: 192]. Вернуться с небес на землю бабушку вынудил плач заболевшего любимого внука Тадя. Таким образом, в рассказе присутствуют образы мужа, сына и внука героини: сведение по мужской линии живых и мертвых членов семьи служит идее преемственности поколений.

Отсутствие имени собственного у бабушки, а также вынесение в заглавие ее семейного статуса говорит о стремлении Э. Ожешко обобщить этот образ. За воплощенной в нем старостью стоит поколение людей, живущих в переходное время. Личность мучительно переживала характерные для польской действительности рубежа веков процессы ломки старого и зарождения нового.

В центре рассказа «Осенние листья» Тетки находятся два состарившихся человека, трагичность положения которых выясняется в процессе развития их диалога. Степан и Сымон, оставленные родными и близкими, осмысливают жизненные события в ожидании собственной смерти. Свойственная героине Э. Ожешко неопределенность положения близка и героям белорусской писательницы:

– Эх, Степан, Степан, старые мы уже пни! Одною ногою на этом свете, другою на том. Фью! Жизнь, как муха, бз-з-з! и пролетела,— щелкает пальцами Сымон в воздухе [Тетка: 92].

Сравнение стоящих у порога смерти Степана и Сымона с осенними листьями символически вынесено в заглавие произведения. Однако в центре рассказа находится образ креста, продолжающий ряд знаков рубежа, исхода, завершения. Особую роль этот символ сыграл в судьбе Степана: отец поставил у ворот дома крест во имя благополучия рождающегося сына, последний же пришел в этот мир с родимым пятном в форме "красного крестика" на правой лопатке. На протяжении всей жизни герою пришлось по-христиански покорно принять множество таких знаков.

Отождествление Теткой креста и Сымона как носителей воспоминаний способствует овеществлению старости: «И верно, вместе со Степаном век коротали, вместе старели и горбились. Не одна буря над их головами шумела, не один гром в их сердца метил, а они тихо печаль свою друг другу поверяли. Да и походили один на другого: оба серые, сухие, замкнутые, понуро глядели в землю» [Там же: 92–93]. Крест как «сосед и свидетель» человеческой жизни символизирует ее обреченность на переход из бытия в инобытие.

Однако этот образ вмещает в себя и ряд иных смыслов: «изначально в христианстве крест воспринимался как символ не столько страдания, сколько торжества (поскольку являлся знаком победы над смертью, залогом будущего воскресения) <...> крест распятия считался знаменем рубежа двух эпох» [Словарь: 90]. Жизненный финал героев напоминает о завершении эпохи с исчезновением свойственной ей философии страдания. Белорусы, в нескольких поколениях принимавшие распятие, на рубеже веков ощутили неминуемость возрождения. Согласно циклической модели культурно-исторического хронотопа, таким является ход развития истории.

Символическое прочтение написанных в русле реалистической традиции произведений Э. Ожешко и Тетки открывает их неожиданный смысловой пласт. Обнаруживая аналогию между завершением эпохи и окончанием человеческой жизни, литература в художественном исследовании старости отразила ощущение переходности времени. На пороге исторических переворотов были на рубеже XIX–XX в. лишённые независимости белорусская и польская нации. Неизбежность перемен также ощущала личность в омраченном «смертью бога», нарастанием напряжения во всех сферах жизни периоде.

Литература

Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. М., 2006.

Тетка. Избранное. Минск, 1987.

Orzeszkowa E. Iskry. Kraków, 1898.